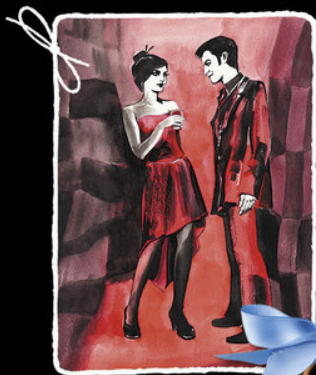

ТАТЬЯНА УСТИНОВА
РЕКОМЕНДУЕТ

Екатерина
Островская

ВСТРЕЧА,
КОТОРОЙ НЕ БЫЛО

Екатерина Николаевна Островская

Встреча, которой не было

Серия «Татьяна Устинова рекомендует»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18144452

Встреча, которой не было : [роман] / Екатерина Островская: Э;

Москва; 2016

ISBN 978-5-699-87395-1

Аннотация

Волшебный мир кино! Две подруги-соседки, Настя и Света, невольно оказались втянуты в это суматошное дело, ведь в их коттеджах разместились съемочная группа нового сериала. Бесшабашная Светка немедленно положила глаз на исполнителя главной роли, популярного актера Максима Божко. А вот на Настю произвел глубокое впечатление человек, который финансировал съемки сериала и к тому же был их соседом, — владелец ближайшего коттеджа под названием «Дом Иволги» Игорь Селезнев. И вдруг произошло то, чего никто не ожидал, — убийство! Актрису Олесю Руденскую обнаружили обнаженной в постели Игоря, и застрелили ее явно из принадлежащего тому пистолета. Дело осложняется тем, что Олеся когда-то была любовницей Селезнева, а в недавнем прошлом и Божко...

Содержание

Татьяна Устинова	5
Глава 1	8
Глава 2	17
Глава 3	25
Глава 4	41
Глава 5	47
Глава 6	54
Глава 7	75
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Екатерина Островская

Встреча, которой не было

© Островская Е., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

*** * ***

Татьяна Устинова
Аромат полевых цветов
и скошенной травы

Новый детектив «Встреча, которой не было» Екатерины Островской получился захватывающим. Это настоящий триллер, подкупающий сложностью загадок, бешеным темпом погонь и плотностью перестрелок. Книга держит в напряжении от первой и до последней страницы. Происходящие события страшны и грандиозны, действие разворачивается в прошлом и настоящем, а сюжет выписывает один головокружительный вираж за другим, и героям приходится молниеносно подстраиваться под быстро изменяющийся сюжет. Запутанная и стремительная история, словно горка в аквапарке, подхватывает, кружит и стремглав уносит куда-то! Остается наслаждаться скоростью и брызгами в лицо: душа уходит в пятки и хочется визжать от восторга.

И вновь – будто бы вовсе не целясь – Екатерина Островская попадает в десятку, предлагая нам билет на самый любимый аттракцион, по которому мы так соскучились с момента выхода ее последней книги. Она лихо закручивает интригу, доводя читателя до блаженного исступления. Но детектив «Встреча, которой не было» оказался крепким орешком: вычислить злодея и понять, чем все закончится, совер-

шенно невозможно. Лучше с самого начала довериться автору и отказаться от этих попыток. В нужное время – будьте уверены – Екатерина Островская раскроет вам все тайны.

Кроме интересного сюжета и необычной фабулы, у «Встречи, которой не было» есть еще одно очень важное для меня, как для читателя, преимущество: великолепно прописанный антураж. Читая по-настоящему хорошо написанную книгу, то и дело оказываешься будто бы внутри повествования: видишь, слышишь и осязаешь то же, что и герои, становишься их верным спутником. Екатерине Островской удался отличный детектив! Действие происходит за городом, в коттеджном поселке, и эта история пахнет полевыми цветами, скошенной травой, теплым песком, студенной речкой, смолистой хвоей и горьким дымом костра. Островская, пожалуй, первая российская писательница детективов, которая – в лучших традициях Агаты Кристи – в своих книгах стала давать названия домам. Послушайте только, как звучит: «Коттедж Иволга»! Есть в этом что-то неуловимо норфолкское, не находите?

Когда Настя и Света возвращаются в Россию из США, куда были отправлены много лет назад после загадочного исчезновения их отцов-бизнесменов, они против собственной воли оказываются втянутыми в таинственную и очень опасную историю двадцатилетней давности. Трагедия их родителей, казавшаяся страшной сказкой из детства, вновь повторяется. И зло, когда-то вынудившее двух подруг бежать

за границу, никуда не исчезло. Оно лишь затаилось на время и готовится нанести новый удар. Когда снова прольется кровь, Насте и Свете бежать будет некуда – они накрепко увязли в паутине лжи и обмана, сплетенной холодным и расчетливым убийцей. От кого ждать помощи? Кто сумеет развеять происходящий наяву кошмар? И какую роль в этой драме играет бывший партнер убитых бизнесменов – Игорь Селезнев, который знает явно больше, чем говорит...

Глава 1

Настя возвращалась домой, когда зазвонил мобильный. Телефон лежал в сумочке, сумочка – на переднем пассажирском сиденье, и смысла перестраиваться в крайний правый ряд и выискивать место, где можно припарковаться, не просматривалось, да и что могло быть такого архисрочного, чтобы отвлекаться от дороги! Мобильник замолчал и тут же зазвонил и затрясся снова, да с такой яростью, словно хотел выпрыгнуть из сумочки. Это разозлило.

Светофор загорелся красным и, затормозив, Настя решила все-таки ответить на вызов. Взяла аппаратик, увидела, что звонит подруга Света, нажав на кнопку, просто сказала: «Я за рулем». Но еще не успела сбросить вызов, как услышала вопль подруги:

– Я познакомилась с ним!

– С кем?

– С Максимом Божко! Они у нас в Лесном фильм снимать будут. Я на работу приехала, а он там с каким-то мужиком за столиком сидит...

– Через двадцать минут перезвони...

Двадцати минут подруга выдержать не смогла, позвонила через десять и продолжила:

– ...Вхожу и сразу замечаю: все девчонки-официантки красные. А как в зале очутилась – глазам не поверила. Сразу

поняла, что это судьба. Божко с каким-то мужиком за крайним столиком. Подкатила к ним, сказала, что я хозяйка этого ресторана и мы рады видеть у себя таких людей... Ты чего молчишь? Тебе хоть слышно, о чем я говорю?

– Я во двор въезжаю, – объяснила Настя.

– Тогда слушай дальше...

Максим Божко был идеалом Светланы. И, вероятно, не только ее. Он был популярным артистом – не мальчик, конечно, за тридцать и, похоже, даже далеко за тридцать. Но ведь и Светка тоже не девочка – ей, как и Насте, уже двадцать четыре. Однако в Божко подруга была влюблена, как семиклассница. Любовь эта, впрочем, не мешала ей крутить романы. Правда, избранники ее не очень походили на известного артиста, лучше сказать – совсем не походили, а потому увлечений этих хватало ненадолго. Хотя, возможно, упомянутые романы и не стоили того, чтобы растягивать их до бесконечности. Предпоследним ухажером Светланы вообще был лысеющий блондин, который уверял, что трудится заместителем директора крупной компании, а на самом деле оказался скрягой невероятным – на цветы он еще раскошеливался, но на более существенные подарки скупился, что, как все понимают, унижает женщину. А потому Света очень быстро стала тяготиться этой связью. Да и мелковатым он был, если честно. Но три месяца они все-таки встречались. Зато нынешний был высок, следил за собой, поль-

зовался дорогим парфюмом, но где работает, не признавался. Скорее всего нигде, потому что он любил ночную жизнь, а по утрам предпочитал хорошенько выспаться. С финансами у него были постоянные перебои. Деньги у нынешнего ухажера время от времени появлялись, но очень быстро заканчивались. Она и его хотела бросить, но как это сделать, не знала, искала повод для какой-нибудь ссоры или просто обиды, но всегда терялась, потому что парень говорил больше, чем она, и при малейшем намеке на размолвку тут же предлагал поехать к ней. В результате Света каждый раз переносила расставание на другой день.

— ...Ну и что твой Божко, и при чем тут Лесное? — спросила Настя, выходя из машины.

И тут же выяснилось, что мужик, с которым популярный артист сидел за столиком в ресторане Светы, был исполнительным продюсером. И этот продюсер как раз рассказывал о том, что снимать самые важные эпизоды фильма собирается в сорока километрах от города, где прекрасная дикая природа, но в поселке трудно найти жилье под аренду, а потому большую часть коллектива придется возить на автобусе: утром привозить, а вечером доставлять обратно. В Лесном, правда, есть плохенькая гостиница на восемь номеров, но она не решит проблему...

Света как услышала про Лесное, сразу поняла, что это судьба, и стала уверять продюсера, что у нее возле Лесного есть комфортабельный домик, в котором при желании могут

разместиться хоть двадцать человек.

Продюсер удивился, конечно, такой удаче, спросил, далеко ли дом находится от речки с водопадом, а то из гостиницы надо шлепать по тропинке почти пять километров. И когда услышал, что дом расположен почти на берегу, а до водопада двести метров, и вовсе обрадовался.

– Короче, мы обо всем договорились, мне даже деньги платить будут. А еще я пообещала обеспечить коллектив питанием... Короче, не растерялась. А Божко так на меня смотрел, так смотрел! Прямо разглядывал. Я сегодня как специально хорошо выглядела: на мне шелковое платье – белое в черный горошек, ожерелье жемчужное... Ой, я забыла им сказать, что неподалеку еще один домик имеется – твой.

Оба дома построили отцы Светы и Насти почти четверть века назад, когда занимались бизнесом и дела у них шли хорошо. Дома по тем древним временам были роскошные, теперь они, правда, такими не выглядели, но оба из красного кирпича, просторные и к тому же в окружении сосен. Рядом текла речка, но купание в ней особого наслаждения не доставляло – стремительное течение, холодная вода. Был даже водопад – невысокий, метра полтора-два. Когда-то, очень давно здесь располагалась водяная мельница, от которой остались обточенные течением гранитные валуны и черные бревна, вкопанные в берег. Место было тихим, потому что жители Лесного сюда приходили не часто: у них рядом

с поселком было свое мелкое озеро с прогревающейся в солнечные дни водой и имелся даже почти оборудованный пляж с мостками, с которых ныряла местная детвора.

Отцы девушек дружили со школьных лет, а потому подругами стали и мамы. И потом, когда обеим женам вместе с дочерьми пришлось уехать в Штаты, дружба эта не прервалась. Сначала обосновались в Нью-Йорке, а совсем недавно Светкина мама перебралась в Сан-Франциско. В Калифорнии она вышла замуж за американца. А мама Насти так никого себе и не нашла. В Штатах обе не бедствовали, хотя до шикарной жизни было очень и очень далеко. Правда, у Светы с мамой остался в России ресторанчик, откуда им почти регулярно присылали часть прибыли; и еще имелся сданный в аренду дом неподалеку от поселка Лесное, за который платили на полгода вперед. Похожий домик был и у Настиной мамы, и его тоже сдавали вышедшему на пенсию чиновнику. Три года назад чиновнику надоело платить аренду, и он, очевидно на честно заработанную пенсию, купил собственный коттедж в Комарово и переехал туда. А как раз в это время Настя получила предложение от одного из российских издательств заняться переводами набирающей популярность американской писательницы Джессики Стоун. С Джессикой Стоун Настя была знакома: какое-то время они жили в одном доме в Ист-Сайде. Правда, тогда Джессику звали Аманда Левенштейн и работала она в книжном магазине. Оказывается, она уже тогда сочиняла женские романы, которые чи-

тала вслух подругам и знакомым. Очень скоро подруг у нее не осталось вовсе, а из знакомых — одна только Настя.

Аманда начала посылать свои творения в разные издательства, где очень скоро перестали отвечать на ее телефонные звонки. А потом один роман все-таки решили выпустить маленьким тиражом. На удивление издателей, роман очень быстро разошелся, а в книжном магазине, где продолжала работать Джессика, была проведена писательская конференция. Народу было не так чтобы много, но в магазин заскочила, скрываясь от ливня, Джулия Робертс, а следом за ней парочка промокших папарацци. Джессика тут же сфотографировалась с популярной актрисой, всучив звезде свою книжку и развернув ее обложкой в объектив камер. После этого, разумеется, издательство просто обязано было выпустить дополнительный тираж, за который писательнице уже прилично заплатили. Потом вышла вторая книжка, третья и так далее... Джессика Стоун стала известным автором. Критики особенно отмечали ее захватывающие сюжеты. Например, в одной книге рассказывалось, как миллионер встретил в супермаркете домохозяйку: она, конечно, не знала, кто перед ней, а миллионер не сразу понял, что домохозяйка умна и красива. Но потом он стал страдать от любви, даже заболел и чуть было не потерял свой бизнес, но все кончилось хорошо, потому что любовь творит чудеса. В другой книге уже другой миллионер на гавайском пляже встретил девушку в инвалидном кресле, которое увязло в песке. Миллио-

нер помог ей выбраться, даже не представляя, чем все это для него закончится. А закончилось, конечно же, свадьбой, на которую пригласили много одиноких миллионеров и девушек из общества «Инвалиды Америки».

Книги Джессики Стоун хорошо расходились не только в Северной Америке, но и в Южной, и в Центральной, а также в Швеции, Норвегии, Дании, и наконец их решили напечатать в России. Издательство связалось с автором, и Джессика вдруг заявила, что доверяет делать переводы только своей подруге Анастасии Стриджек. Именно так американцы произносят Настину фамилию – Стрижак.

За четыре года издательство выпустило тридцать шесть романов Джессики, после выхода двенадцатой книги Настя решила вернуться на родину, куда незадолго до этого перебралась и Света Воронина. Свету притянула в Россию не ностальгия, а желание продать свой ресторанчик, про который она думала, что это что-то вроде придорожной забегаловки для шоферов-дальнобойщиков, но то, что она увидела, ее поразило. Перед ней был ресторан с французской кухней почти в центре города. Шеф-повар оказался, разумеется, французом, и платили ему столько, что Света и ее мама сразу поняли – их долгие годы обманывали. Просроченный договор с уроженцем Бордо продлевать не стали, директором сделалась Света, француз покричал немного, потом долго ныл и жаловался на русский менталитет и все же вернулся на родину, прихватив с собой ушлую официантку – ко-

ренную нижегородку. Коттеджик неподалеку от города стал для Светы дополнительной гарантией финансовой независимости, а в дом по соседству чуть позже въехала Настя. Но она жила там лишь весной, летом и ранней осенью, а на холодное время перебиралась в город. После тридцать второй книги Джессики Стоун Настя приобрела небольшую студию.

В России популярная американская писательница побывала дважды. Посетила музей, два театра, восемь ночных клубов и, конечно же, французский ресторан, где ей понравилось все, особенно молоденький официант с труднопроизносимым именем Валерик. Она даже хотела дать ему сто долларов чаевых, но официант признался:

– Увы, мэм. I am married.

После чего Джессика передумала быть излишне щедрой. К сорока пяти годам она раздобрела, но излишне расточительной не стала, хотя и переводила некоторые суммы на счета разных благотворительных организаций. Делала она подарки и Насте, присылая ей книги со своими автографами. И все же они оставались подругами, несмотря на разницу в возрасте (двадцать лет) и в общественном статусе.

Именно благодаря бывшей соседке по дому в Ист-Сайде Настя жила, в общем-то, неплохо. Занималась тем, что большого труда для нее не составляло, получала за это не огромные, но приличные деньги, и все-таки особой радости в жизни не было. Главное, что Настя чувствовала себя одинокой. Мама осталась в Нью-Йорке, где у нее была работа, Света

хоть и находилась рядом, но у нее кипела своя жизнь – порой очень бурная. У Насти же никого не было. В Штатах почти три года тянулся роман с профессором Расселом Валентино; того все устраивало, и профессор не хотел ничего менять в своей жизни. Анастасия даже перебралась к нему, но вместе они прожили недолго. Как раз тогда поступило предложение от Аманды переводить ее книги на русский. Настя начала переводить, Рассел по этому поводу иронизировал: «Ты уверена, что в России, где все выросли на книгах Гоголя и Достоевского, кто-нибудь будет покупать это дерьмо?» Но он оказался неправ, хотя признавать этого не желал, а потом Настя решила его бросить. Покинула профессорскую квартиру с надеждой, что он выскочит из кресла, догонит ее, вернет, в крайнем случае позвонит, но сорокалетний мужчина посчитал, как видно, что найдет себе девушку получше – ту, которой глубоко плевать на проблемы литературы. Короче говоря, действительность оказалась не такой, какой ее описывала в своих романах подруга. Остаться жить с мамой не хотелось, и Анастасия решила вслед за Светой вернуться в Россию. Конечно, теперь она не жалела о сделанном выборе, но жить одной было грустно.

Глава 2

На всю съемочную группу мест не хватило ни в гостинице, ни в Светином доме. А потому подруга попросила Настю сдать киношникам пару комнат. Та возражать не стала – три спальни всегда были свободны. Вскоре к ней пожаловал исполнительный продюсер, который осмотрел дом, повыглядывал в окна, потом поинтересовался, согласовала ли хозяйка свое решение с мужем, а когда услышал, что мужа нет, сообщил, что, пожалуй, он сам сюда и переберется. И спросил еще о возможности проживания в доме Стрижак режиссера и оператора.

– У Светочки, конечно, весело, но там муравейник получается. А нам, творческим людям, иногда хочется тишины и покоя, – объяснил он.

Продюсеру едва ли перевалило за сорок, он был невысоким и улыбчивым. Звали его Георгий Баландин, но Насте он разрешил называть себя просто Жорой. Уходить ему явно не хотелось. Он побродил среди растущих у дома сосен и сообщил, что весь состав группы соберется через три дня, а за это время рабочие поставят возле реки дом старого охотника и еще хибарку, в которой, по сценарию, живут ведущие незаконный промысел старатели-нелегалы.

– В этих домиках тоже можно кого-нибудь разместить, – сообщил Баландин, – водителей, например, тех же рабочих,

а еще выселять туда тех, кто в приличных домах будет вести себя плохо.

– Такое разве случается в творческих коллективах? – удивилась Настя.

– Увы, – признался продюсер, – на прошлом моем фильме один из актеров стал всех убеждать, что на самом деле он был офицером спецназа и командовал ротой в горячих точках. Все хорошо его знали, некоторые даже очень хорошо, но молчали, не возражали. А он вообще разошелся, начал раздеваться, снимать брюки, чтобы показать фронтовые шрамы, которые, к его удивлению, рассосались. Короче, оператор, а дядечке, между прочим, шестьдесят четыре, не выдержал и дал ему по роже. Полчаса актера в чувство приводили, нашатырь давали нюхать, водой поливали...

– Это тот оператор, что сюда приедет? – спросила Настя.

– Другой, – заверил продюсер.

Никакого оператора не было: вечером со своими вещами приехали продюсер и Максим Божко. И почти сразу прибежала красная от волнения Света Воронина.

– Я свою личную комнату тоже сдала, – объявила она, – так что придется у тебя какое-то время перебиться.

Баландин удивился, но промолчал. А Максим Божко предположил, что это все из-за него, так как он приехал за три дня до начала съемок.

Вообще-то одна спальная комната все равно оставалась

свободной, и Света об этом прекрасно знала. Продюсер, правда, сказал, что почти наверняка подъедет главный спонсор – очень известный бизнесмен, который выделил на постановку сериала деньги. Приедет он, скорее всего, с актрисой, которая утверждена на главную роль. У них давний роман.

– А как фамилия актрисы? – стараясь казаться равнодушной, поинтересовалась Света.

– Олеся Руденская, – ответил Максим, – она сейчас много снимается. У нас уже есть совместная работа в фильме «Ошибка опера». Может, видел кто?

– Я смотрела, – как школьница, вскинула руку Воронина, – вашей работой восхищена, а вот Олеся эта мне показалась неубедительной.

– Я бы не сказал, – вступился за актрису продюсер. – У Олеси природный дар быть очень естественной.

– Ну, не знаю, – пожала плечами Света и обернулась к Насте, словно ждала от нее поддержки, – ей ведь за тридцать, а все девочек играет.

– В нашем фильме у нее роль врача. Она приезжает в тайгу, чтобы убедить своего старого деда перебраться в город.

Божко с Баландиным, подхватив свои чемоданы, поднялись по лестнице на второй этаж. А Света, оставшись наедине с хозяйкой, прижалась губами к Настиному уху и начала шептать:

– Ты прости, но там и в самом деле такая толпа, какие-то

накрашенные девки ходят. И вообще... Максим на меня уже поглядывает. Ты же мне мешать не будешь?

– Уж чего-чего... – ответила Настя и рассмеялась: подруга была неисправима.

А та бросилась на кухню и заглянула в холодильник.

– Надо какой-нибудь закусок организовать, – сказала она, – а то люди голодные наверняка. Кстати, как тебе Баландин?

Настя пожала плечами. Она не думала заводить роман, тем более с человеком, который приехал сюда на месяц. К тому же продюсер немного напоминал профессора Валентино.

Когда гости спустились, стол был уже накрыт, чему очень обрадовался Баландин.

– Это очень кстати, – заметил он, – а то мы с Максом решили по тридцать капель пропустить.

Он поднял руку и продемонстрировал бутылку виски, которую нес за горлышко:

– Не желаете присоединиться?

Настя отказалась, а Света приветливо улыбнулась и кивнула.

Разговор был долгим. Божко и продюсер пересказывали актерские байки. А потом беседа перешла на сериал, в котором Максиму предстояло сыграть главную роль.

– Дело происходит в девяностые. Бизнесмена по ложному обвинению отправляют в сибирский лагерь, – начал рассказывать Божко. – Вскоре он бежит оттуда, потому что узнает,

что его жене угрожает опасность. Бежит он не один, а с уголовниками, но те погибают, перевернувшись на лодке. А герой чудом спасается...

– Не надо рассказывать, а то смотреть будет неинтересно, – закричала раскрасневшаяся от виски Светлана.

– Если хотите, я дам распечатку сценария, – пообещал продюсер, – на самом деле даже я не понял, чем кончается история. Шестнадцать серий, а финала нет. Похоже, что грядет продолжение... Если хотите, я вам обеим подберу роли. Там есть эпизоды с девушками, где и говорить-то не надо. Но, если постараться, можно и текста добавить...

Литровая бутылка виски была опустошена уже на две трети. Мужчины оставались трезвы, а вот состояние подружки Настю стало беспокоить. Света не была сильно пьяна, но вела себя так, что могла выкинуть все, что угодно. Тем более что ей активно подливал Георгий Баландин.

– Девяностые, – с каким-то особенным упоением протянул продюсер, – благодатная тема для подобных фильмов. Вы-то не помните, а я еще застал бритоголовых бандитов в спортивных костюмах, разъезжающих на стареньких «БМВ». В вечерних новостях каждый день какая-нибудь новость: того убили, этого взорвали, третьего в подвале пытали...

– Наши отцы тогда хорошо поднялись, – вздохнула Воронина, – естественно, на них тоже были наезды, угрозы. Настиного отца застрелили, а моего взорвали вместе с нашим

«Мерседесом»...

– Простите, мы ничего не знали, – смутился Божко.

– Наши мамы схватили нас с Настюхой в охапку – и в Штаты, – продолжила Светлана. – Бросили здесь все, дома эти и все, что от бизнеса отцовского оставалось... Уехали, чтобы выжить.

– Страшное время, – снова вступил в разговор Баландин. – Кстати, я из окна спальни увидел за соснами еще один дом в таком же стиле, как ваши. Там кто-нибудь живет?

– Дом Иволги, – ответила Света, – так моя мама его называла и запрещала приближаться. Там жила какая-то пожилая пара. А когда мы вернулись, никого в нем уже не видели.

– Страшная история, – все с той же сочувственной интонацией повторил продюсер, наполняя стакан, стоящий перед Светой. – Представляю, как тяжело было в эмиграции.

– Там-то как раз ничего такого не было. Мы в школу пошли, я потом в колледж, а Настя окончила университет... Кстати, вы в курсе, что она очень дружит с американской писательницей Джессикой Стоун?

– Как? – едва не подпрыгнул на месте Баландин. – Это же любимая писательница моей тещи! Она ее книжками перед моим носом размахивает и говорит, что надо вот такие фильмы снимать.

– Настя эти книжки как раз и переводит, – продолжала откровенничать Воронина.

– Простите меня, – извинилась Настя, – но отказаться

не хватило духу.

И, увидев, как подруга пытается осушить стакан, ухватила ее за локоть.

– Нам, пожалуй, уже достаточно, – улыбнулась она гостям. – И у вас, как я понимаю, завтра напряженный день.

Как ни странно, Света сопротивляться не стала. Настя отвела ее в спальню, и та тут же бросилась на постель поверх атласного покрывала.

– Как я его люблю, – прошептала она, – если бы ты знала, Настюха! Это же мой идеал на всю жизнь! Десять лет назад, когда я его увидела первый раз... Мать тогда тарелку спутниковую на балконе поставила, чтобы российские каналы принимать, и вот мы включили, а там фильм, где он честного журналиста играет. Мать просто обалдела от его красоты, а я так вообще... А теперь, когда он рядом, просто удержаться не могу... Других мужиков для меня просто не существует...

– У тебя же Славик сейчас.

– Эдик, – поправила Света, – да ну его. Если честно, то он типичный альфонс. Мы как-то в клубе сидели, и какая-то баба лет сорока подошла. Говорит: «Можно вашего молодого человека на минутку?» Я, конечно, отвечаю, мол, потом как-нибудь. И эта мымра, между прочим, вся в брюликах, тогда мне заявляет: «Будьте внимательнее, девушка. Не оставляйте без присмотра вашу сумочку и не сообщайте Эдику пин-коды ваших карточек. Тырит по мелочи, думая, что никто не замечает». Сказала и ушла, гордая такая вся. И в са-

мом деле, зачем мне этот урод! Теперь у меня есть Божко. Ты не заметила разве, что и он ко мне приглядывался? Никому я его не отдам! А если приедет эта Руденская и будет на него свои права заявлять, то я ее просто замочу...

– У нее же свой спонсор есть, – напомнила Анастасия.

– Так спонсор для денег, а Максим для любви. В жизни это сплошь и рядом...

Глава 3

Утром Настя приготовила завтрак, но мужчины от него отказались, сказав, что поедят в другом месте. Оба были тщательно выбриты и чрезвычайно вежливы. Актер даже извинился за вчерашнее. Анастасия ответила, что все было в рамках приличий, так что извиняться вроде не за что. После чего продюсер без всяких эмоций на лице сделал комплимент:

– Вы ангел. Прямо свет в окошке!

А утро выдалось тусклое.

Светлана спустилась часа через два после ухода киношников. Она была задумчива и тиха. Сама приготовила себе кофе, выдавила в чашку сок из половины лимона, сделала глоток и поморщилась, потом попыталась курить, но после первой же затяжки сломала сигарету о край пепельницы. Посмотрела за окошко, где мутное марево закрыло небо, и вздохнула:

– Я вчера чуть было не совершила величайшую глупость в своей жизни.

– Все было прилично, – успокоила ее Настя, – по крайней мере, гостям все понравилось.

– Ты так думаешь?

– Они сами мне сказали.

После этого подруга немного повеселела, позвонила

в свой ресторан, поинтересовалась вчерашней выручкой, ответ ее порадовал, и Света начала строить планы на день. Но потом ей принялся названивать Эдик и что-то требовать. Настя вышла из столовой, чтобы не мешать чужому разговору. Но и в кухню доносились гневные фразы: «...какие твои вещи? Там, кроме твоих трусов и носков ничего нет, да и те я уже давно выбросила... Между нами все кончено... Только попробуй!.. Ты мне что – угрожаешь?!»

Потом Света вышла на кухню, где сидела подруга.

– Надо было код квартирной сигнализации сменить, – сказала она.

– А ты дала Эдику ключ от квартиры? – удивилась Анастасия.

– Так получилось.

– Вот это действительно величайшая глупость!

– Пусть только попробует залезть и что-то взять! – разозлилась подруга, как видно, не сомневаясь, что именно так и будет. – Я в полиции скажу, что ключ он у меня выкрал, а код сигнализации узнал, когда мы вместе домой приходили. Ты представляешь, этот гад сказал, что приедет сюда и со мной разберется!

– Про свою любовь что-нибудь говорил?

Света задумалась.

– А мы на эту тему с ним вообще никогда не говорили.

К полудню распогодилось, выглянуло солнце, и подруги

решили немного прогуляться. Сначала направились к дому Светланы и заглянули внутрь. Там кипела жизнь. На крыльце курили какие-то женщины, с хозяйкой они едва поздоровались, а на Анастасию не обратили никакого внимания. В просторной прихожей оборудовали костюмерную: на длинных, как в магазинах одежды, вешалках висели ватники, тюремные робы, брезентовые плащи, несколько женских ситцевых платьев. Внизу стоял длинный ряд резиновых и кирзовых сапог.

— Хотя домой не возвращайся, все колхозом пропахло, — расстроилась Света и вернулась на крыльцо.

Кутившие женщины сообщили, что режиссер с продюсером после завтрака ушли на объект. Воронину так и подмывало узнать, где находится Максим Божко; она немного потопталась на крыльце, но спросить не решилась.

На берегу возле водопада рабочие строили домик. Очевидно, где-то была куплена старая баня, потом ее разобрали на бревна, промаркировали и теперь складывали снова. Бревна были черными, а само строение, уже возведенное под конек, казалось кособоким и вросшим в землю. На крытую досками кровлю рабочие поднимали мешки с высушенным мхом, который тут же раскладывали.

На крупном валуне сидели Баландин и какой-то мужчина в кожаной жилетке. Рядом на траве с голым торсом загорал Максим. Заметив подруг, продюсер поспешил навстречу. Проинформировал, что сегодня закончат строить

хибару старателей. А завтра будут ставить еще один домик, и можно будет начинать съемки. Максиму необходимо немного подкоптиться, потому что играть придется уголовника, который работает на свежем воздухе, поэтому он не может выглядеть как офисный клерк. Потом Баландин указал на мужчину в кожаной жилетке и сообщил, что это режиссер Александр Бойцов. Но Светлану режиссер интересовал мало. Она под села к Божко и тут же через голову сняла платье, под которым оказался белый купальный костюм. У них завязался разговор, но подошел режиссер и достаточно жестко произнес:

– Опять за старое, Макс! Ты бы лучше текст учил.

– Так Света мне помогает!

Божко тут же сунул в руки Ворониной сброшюрованные листки и сказал режиссеру:

– Это должен делать ваш ассистент, но она, видать, занята чем-то более важным.

– Она курит на крыльце, – объяснила Светлана.

Режиссер посмотрел на Анастасию, но ничего не сказал, повернулся к рабочим. И тут же замахал руками:

– На фига дофига нафигачили, расфигачивайте на фиг!

Настя поняла, что они здесь лишние, и попыталась позвать подругу, но та с увлечением «помогала» Максиму.

– ...А как можно до станции добраться? – спросил Божко.

– Так туда автобус ходит. Сегодня с утра должен быть. Но дорогу размыло, и когда будет – один бог знает. Тут все-

го восемьдесят верст, – стараясь быть проникновенной, отвечала Воронина.

– А работа какая-нибудь найдется на это время? Что-нибудь разгрузить, дрова нарубить?

– Работа всегда есть... Насколько я понимаю, у тебя не только денег нет, но и документов...

Анастасия отправилась домой одна, но заняться там было нечем. Аманда новых книг не высылала уже почти три месяца, а когда звонила, признавалась, что очень устала, издательство торопит, а новые идеи никак не приходят. То же самое она говорила во время их предыдущего телефонного общения. Тогда Настя посоветовала написать о девушке-миллионерше, которая не может в своем кругу найти порядочного и честного человека и встречает простого...

– Нет-нет, – закричала тогда писательница, – только не это! Простые – это которые ездят в метро. Они такие же, как мексиканцы и черные. Плохо одеты и плохо пахнут, а что у них на уме – они и сами не знают. Нужен идеальный персонаж.

– Идеальный – значит, богатый?

– Естественно, – не сомневаясь, ответила Аманда. – Бедный, значит, неудачник. А какая девушка мечтает о неудачнике?

Тогда в очередной раз Анастасия поняла, какие они разные. Она и Аманда, с которой она дружит и у которой других подруг нет совсем. И все же писательница считает Настю

не такой, как все. Не такой, как все, Настя была и в университете, и сокурсники знали это, заводя романы с девушками, которые были ничем не лучше Анастасии Стриджек, а если честно, то внешне ей даже уступали. Они были не богаче ее и учились на деньги, взятые в кредит, а Настя платила за учебу из тех средств, что они скопили с мамой, и тех, что смогла заработать сама официанткой и переводами. От нее не шарахались, но держались настороженно, хотя и приветливо, словно боялись пробуждения в ней непонятной и неуправляемой силы. Обративший на нее внимание уважаемый студентами профессор ее тоже боялся. Да и обратил на нее внимание лишь после того, как она вступила с ним в спор на лекции о творчестве Гоголя. Рассел уверял, будто Гоголь – создатель русского плутовского романа, а Чичиков – авантюрист, обманывающий погрязших в лени помещиков.

– Русского плутовского романа не было ни до Гоголя, ни после него, – заявила тогда Настя, – потому что русский роман предполагает раскрытие личности, ее становление. Обязательно показывается прошлое героя, описывается его детство. А в классическом плутовском романе герой появляется ниоткуда и исчезает неизвестно куда. К тому же Чичиков – не отрицательный персонаж. Гоголь подчеркивает это, сделав Чичикова бывшим работником таможни. Бедным и одиноким человеком. А когда это в России или еще где-либо таможенники были бедными и не брали взятку, существуя на мизерное жалованье? А ведь Чичиков почти нищий:

у него нет поместья, городской квартиры – только бричка и единственный крепостной. И он придумал законный способ разбогатеть. Только богатство ему нужно не для того, чтобы возвыситься над другими. Он хочет жениться, сделать предложение красивой и богобоязненной девушке. А какой родитель выдаст дочь за бедняка!

– Интересная интерпретация, – рассмеялся тогда Рассел, – но сейчас мы о другом. А с вами, Анастаси, мы можем увидеться после лекции в университетском кафе и поговорить.

Он был обаятельным брюнетом с синими глазами, потомком итальянских эмигрантов. И небедным – прадед Рассела поднялся в годы сухого закона, перевоза из Канады бодрящий виски и умея договариваться с таможей и копами. У прадеда было восемь детей, почти три десятка внуков, бессчетное количество правнуков, и все они были небедными, приумножая свои состояния. Рассел – единственный из всей семьи Валентино, кто не стал бизнесменом или банкиром только потому, что в пятнадцать лет, прочитав американское издание «Преступления и наказания», решил выучить русский язык, чтобы читать Достоевского в подлиннике. Все свои разговоры о литературе он обязательно записывал на диктофон.

Даже когда Настя жила в его квартире, он читал лекции специально для нее. А начинал с того, что заявлял:

– Русские поэты девятнадцатого века были склочными

мизантропами, а потому их вызывали на дуэли, где они рано или поздно погибали...

– Зато лучшие американские прозаики двадцатого века кончали жизнь самоубийством, потому что видели несоответствие американского общества их собственным идеалам, среди которых в первом ряду были любовь, верность, преданность дружбе и бескорыстие... – парировала Настя.

– Это все русская пропаганда, – злился Рассел и отключал диктофон.

И все же Настя любила его, или ей казалось, что любила, потому что других мужчин у нее не было...

Теперь же она готовила обед: для себя, подруги и, возможно, для киношников, поселившихся в ее доме. И это было глупо, потому что в дом Ворониной теперь доставляли обед из ресторана, и она могла бы и сама столоваться там: вряд ли Света была бы против, но мешала Насте давнишняя привычка – есть то, что приготовила сама.

Обед был почти готов, когда опять позвонила Аманда.

– У нас раннее утро, – доложила она, – я не спала почти всю ночь. Пытаюсь начать новую книгу, но ничего в голову не лезет. Если у тебя есть какой-нибудь сюжет...

– Попытаюсь придумать. Предположим, молодой архитектор побеждает в конкурсе, но авторство остается за проектной конторой, в которой он работает. Парень пытается попросить дополнительно к ставке хотя бы премию, но его увольняют. Долгие попытки найти работу...

– Это не пойдет, – возразила писательница, – опять неудачник.

– Это не конец, – не дала ей договорить Настя, – архитектор устраивается рабочим на стройку. Деньги небольшие, но он любит хотя бы раз в месяц надеть единственный приличный костюм, итальянские туфли и дорогой галстук, чтобы посетить модный ресторан. Приятель, владелец авторемонтной мастерской, подвозит его туда на «Бентли» или на «Мерседесе». Его уже знают как уважаемого клиента. И вот в очередной раз, выходя из шикарного автомобиля, он замечает бедно одетую девушку, которая заглядывает через окошко, чтобы увидеть красивую жизнь. Архитектор предлагает бедняжке поужинать с ним. Персонал вышколенный, официанты вида не подают, замечая явную нищету новой посетительницы, однако некоторые клиенты морщатся. Весь вечер парень рассказывал девушке о своей бессмысленной жизни: ночные клубы, вечеринки на яхтах, полеты в Париж или Милан на неделю моды, кинопродюсеры и молодые актрисы, которые ищут его общества... А он так устал от всего этого. Вечер кончается: счет, разумеется, куда больше обычного. И последнюю сотню бывший архитектор, а теперь строительный рабочий, отдает официанту на чаевые... Ловит для девушки такси, выскребает по карманам мелочь, чтобы оплатить ее проезд, и пешком идет в каморку, которую снимает... Девушка подъезжает к роскошному особняку, где ее встречает обеспокоенная прислуга. Девуш-

ка, как оказалось, единственная дочь финансового магната. Днем она выпросила платье у своей горничной, чтобы поглядеть на другой мир. И, ложась в постель, она рассказывает горничной, что встретила сегодня парня, которого смогла бы полюбить, но, увы, он такой же бездельник, как и те, что ее окружают...

– Печально, только дальше что?

– Дальше – все что угодно. Богатая наследница знакомится с молодым президентом строительной фирмы – тем самым негодяем, который выгнал главного героя. Девушка поручает ему перестройку доставшегося ей от бабушки огромного загородного дома. Ее новый знакомый – самовлюбленный бездарный тупица. Он, конечно, обращается к нашему парню...

– Я все поняла, – не дала ей договорить Аманда. – Ну, может быть... Должно получиться. Но только у меня сейчас депрессия, постоянные головные боли, хожу к психоаналитикам, но толку нет... Может, ты напишешь сама, пришлешь мне, а заодно сделаешь перевод на русский? Я отдам тебе пятнадцать процентов от американского издания и половину гонорара за русский вариант. А за перевод получай с русского издателя. Согласна?

Настя растерянно молчала. Отказаться – это значит обидеть подругу, а согласиться – может так получиться, что и дружбе конец.

– Я тебя помню двенадцатилетней девочкой, – неожидан-

но для себя начала писательница. — Разве когда-нибудь я тебя подводила, разве мы ссорились когда-либо? А сейчас, когда мне нужна помощь...

— Согласна, — произнесла Настя.

— Я и не сомневалась, — как ни в чем не бывало продолжила Аманда, — я вообще не поэтому звоню. Хотела тебе рассказать, что вчера заходила в издательство, где встретила профессора Валентино. Он меня первым узнал, начал спрашивать, что мне известно о тебе, ну, я ему и рассказала... Что ты счастлива, у тебя огромный загородный дом с видом на море, «Мерседес» с водителем, а главное — молодой и успешный бойфренд, который от тебя без ума, окружил тебя заботой, завалил подарками... Он ведь сделал свое гигантское состояние на торговле нефтью...

— Кто? — не поняла Настя.

— Твой бойфренд! Кто же еще! — повысила голос Аманда. — Если вдруг Рассел тебе позвонит, ты знаешь, что ему говорить. Кстати, твоего бой-френда зовут Федор Михайлович. Здорово я придумала? Натурально, правда?

— Зачем только тебе мои вымышленные сюжеты? — вздохнула Анастасия.

Разговор еще продолжался, когда вернулась Воронина. Вернулась не одна, а с Максимом Божко, они прошли в столовую и слушали, как хозяйка разговаривает с кем-то по-английски. Теперь на Божко был светлый летний костюм и черная шелковая рубашка, две верхние пуговицы расстегнуты.

– Это она с Джессикой Стоун разговаривает, – шепнула Света своему спутнику и тут же протянула руку, требуя передать телефон ей:

– Дай-ка и я с ней поговорю.

Говорила она не очень долго, потом отключила мобильник и посмотрела на Настю:

– Она просила прислать твою фотографию.

И тут же сообразила:

– Давай-ка я тебя с Максом сфотографирую, а потом ты меня.

Настя попыталась отказаться, но Божко уже встал рядом и положил ей руку на плечо. А Света несколько раз нажала на кнопку камеры мобильного телефона. И тут же подбежала и обхватила популярного актера за талию. Теперь уже Настя сделала несколько снимков. Подруга рассмотрела их и осталась очень довольна.

– Срочно отправляй Аманде! – приказала она.

Джессика Стоун позвонила через час. Задыхаясь от восторга, она сообщила, что видела снимки и даже в этот момент смотрит, потому что оторваться невозможно.

– Вы такая пара! Такая пара! Я-то просто так сказала твоему Расселу, пошутила, а оказалось, что все это правда! Брэд Питт по сравнению с ним – поваренок из «Макдоналдса». Если скажешь, что твоего олигарха зовут Федор Михайлович, то я наконец-то поверю в существование Бога.

– Федор Михайлович, – подтвердила Настя, – ты угадала, так что можешь вспоминать молитвы.

Вскоре пришел Баландин и сообщил, что только что посланная в аэропорт за Олесей Руденской машина вернулась. Звезда сериалов приехала одна, но сказала, что спонсор прибудет вечером. Комнат олигарху не потребуется, потому что он приобрел дом неподалеку, где для нее, естественно, найдется уголок. Продюсер решил пожить с коллективом, потому что свободная комната в доме Ворониной ввиду отсутствия хозяйки имелась. Баландин поднялся за своим чемоданом, но перед тем, как выйти из дома, постоял, подумал и оставил его на пороге.

– В крайнем случае, потом заберу. Или вернусь сюда – мало ли что может случиться. А с благодетелем нашим надо обязательно встретиться. Он, правда, в киношные дела не влезает, но вдруг и ко мне вопросы будут. А человек он непростой.

– Очень интересный человек, – подтвердил Божко, – если не сказать больше. Я, правда, не знаком с ним так близко. Но даже одного разговора было достаточно, чтобы понять... – Он не договорил, поднялся и посмотрел на Свету: – Не надо меня провожать. На всякий случай не прощаюсь.

Максим ушел, а Воронина осталась сидеть, пораженная.

– Ты видела? – обратилась она к подруге. – Макс с тобой не попрощался, а меня предупредил... Вещи свои не забрал, значит, он знает, что вернется. Просто при тебе не хочет го-

ворить... У тебя принтер есть? Я свои фотографии хочу распечатать.

На самом удачном снимке она прижималась к популярному актеру, а тот, улыбаясь широко и приветливо, поддерживал счастливую блондинку в декольтированном платье почему-то за подмышку.

Света готовилась, приняла душ, потом делала прическу, спешила, но Божко все не появлялся. В нетерпении она вышла на крыльцо, где сидела Анастасия, рассматривая освещенные вечерним солнцем сосны. Через забор они увидели, как за янтарными стволами на развилке остановился белый внедорожник. Насте даже показалось, что он сейчас свернет к ее дому, но машина, постояв минуту, направилась дальше и исчезла за плотным рядом придорожных елочек.

– Куда это он? – спросила Светлана, как будто знала, кто в этой машине. – И вообще там дальше ничего нет. Разве что дом Иволги.

– Скорее всего, тот самый олигарх. Ведь он, как мы слышали, прикупил здесь домик. А ведь никакого другого домика поблизости нет.

Начинало смеркаться, когда появился Баландин. Он пришел лишь за тем, чтобы забрать свой чемодан. Объяснил, что свободная комната в Светином доме все-таки имеется, и даже целых две, а потому, чтобы никого не стеснять, он окончательно решил присоединиться к основной группе. Кстати, Божко сказал, что сделает то же самое.

– Ну что ж, если наше общество вам в тягость, – расстроилась Воронина, – то пожалуйста...

– Не в том дело, – заверил продюсер, – снимать начнем через день, а завтра у нашего благодетеля день рождения. Руденская передала, что он приглашает всех. Подарков просил не приносить...

– Нам-то что, – пожала плечами Света, – нас ведь никто не приглашал.

Баландин ушел. Света загрустила, потом вдруг вспомнила, что у нее есть распечатка сценария, и заявила, что пойдет с ним знакомиться. Оставшись одна, Настя подумала, что тоже не прочь что-нибудь почитать. И вдруг вспомнила, что дала слово Аманде.

Направилась в свою спальную, открыла компьютер и набрала:

Квадратура круга

Глава первая

Мечты бывают разные. Кто-то мечтает о богатстве, кто-то о власти, кто-то о месте в Сенате или в Конгрессе, кто-то о дорогом автомобиле, кто-то об океанской яхте... Но это не мечты – это желания. Мечта бывает только одна: быть счастливым. И как бы ни разнились представления на этот счет у мужчин и женщин, у белых и черных, детей

и старцев, единственной истиной остается то, что счастья без любви не бывает...

Анастасия довольно долго продолжала писать, потом поднялась, чтобы включить в комнате свет, и вдруг ей показалось, что по коридору за дверью кто-то прошел. Шаги были тихие, осторожные, словно человек хотел остаться незамеченным и неслышанным. Настя сделала движение открыть дверь, но не решилась. Потом перевела дух и все же выглянула; за дверью никого не оказалось. Она вернулась к компьютеру. Для того чтобы окончательно войти в тему, нашла в Интернете одну из музыкальных радиостанций Нью-Йорка и начала слушать в наушниках популярные американские песенки. Сидела и работала до рассвета, даже в постель легла, не сняв наушников. И последнее, что она услышала, перед тем как заснуть, был сладкий баритон Фрэнка Синатры. Strangers in the night...

Глава 4

Проснулась Настя от треска в ушах. Не сразу поняла, откуда доносится звук, потом начала подниматься. Поправила рукой разбежавшиеся густые волосы, нащупала наушники и сняла их. Посмотрела на часы – начало одиннадцатого. Вскочила, набросила халат и вышла в коридор. Подошла к двери спальни подруги и постучала.

– Заходи, – почти сразу отозвалась та.

Света лежала в постели с выражением необычайного счастья на лице.

– Прочитала сценарий? – поинтересовалась Настя.

– Что я, дура? – громко рассмеялась подруга.

Она села в постели и прикрыла одеялом обнаженную грудь.

– Как все хорошо!

– С чего вдруг? – удивилась Анастасия.

Светлана посмотрела на нее и засмеялась еще раз, но уже тихо. После чего вздохнула:

– Так вставать не хочется.

– Так лежи, тебя никто не заставляет. Я даже завтрак сюда могу принести...

– Короче, – перебила ее Воронина, – он этой ночью был здесь.

– Кто?

– Макс. Сказал, что заскочил на минутку за своим чемоданом. Но, как водится, ошибся дверью... То есть он сказал, что по ошибке зашел в мою комнату... А дальше – ты сама понимаешь. С полчаса как ушел, уверял, что хочет отдохнуть, и вообще перед вечеринкой ему надо отоспаться...

Настя стояла пораженная.

– Вот так просто? – спросила наконец она.

– А зачем усложнять? Максик-душка понял, чего я хочу, пришел и признался, что я сразу ему понравилась... Если бы ты поменьше обращала внимание на условности, то и не мучилась бы одна...

– Я не мучаюсь.

– Прости, – извинилась Света. – Только одна просьба: не проговорись никому.

Это она попросила на всякий случай, хотя и сама знала, что Настю можно не предупреждать. В конце концов, они много лет знакомы.

После этого Светлана, наконец, решила подняться и, не стесняясь подружки, как есть, голышом, направилась в туалетную комнату. Вскоре оттуда донеслись звуки струй, с силой бьющих в дно душевой кабины.

Анастасия спустилась с крыльца просто побродить по траве газона. Трава была сырой, вероятно, утром прошел небольшой дождик, который она пропустила. Ступням было приятно и необычно, почему-то Насте подумалось, что та-

кие ощущения у нее были в детстве, хотя уверенности в том, что она так же разгуливала босиком по мокрой траве, у нее не возникло.

Она прошла до калитки, собиралась повернуть обратно и замерла, потому что ей показалось, что за забором кто-то стоит. Калитка не была заперта на щеколду, очевидно, Максим, уходя, просто притворил ее. Настя решила проверить свои ощущения, распахнула дверцу и вздрогнула от неожиданности: прямо перед ней стол высокий мужчина в голубых джинсах и такой же рубашке.

– Простите, – сказал он, увидев ее реакцию, – не думал никого пугать. Просто проходил мимо.

Вероятно, это кто-то из съемочной группы – тот, кого она прежде не видела. Скорее всего, актер, потому что и джинсы, и рубашка, и белые летние туфли явно не из дешевого магазина. Ему лет сорок, уверенный, вероятно, популярный – популярность придает уверенности... Лицо не знакомо, однако Настя редко смотрела сериалы, а потому не обязана его помнить.

– Заходите, – пригласила она и представилась. – Я Настя.

– А я Игорь, – назвал себя незнакомец после некоторой паузы.

Он явно раздумывал, заходить ли ему, но поскольку хозяйка уже шагнула к дому, то направился следом. Догнал и, поравнявшись, объяснил:

– Только вчера приехал. Теперь вот решил осмотреть

окрестности.

Потом продолжил без всякой связи:

– Вы одна дома? А то визит мужчины в столь неурочный час...

– Я с подружкой. Подружка живет неподалеку, но сейчас она сдает свой дом вашей группе и на это время перебралась ко мне.

– Я к съемочной группе не имею никакого отношения, – возразил мужчина, – просто знаком с некоторыми из них и решил провести, как они здесь...

– Надеюсь, им все нравится...

Вдруг Настя поняла, кто перед ней:

– Простите, но вы тот самый...

Она замялась, не зная, как продолжить, а потом вспомнила:

– Тот, кого продюсер Баландин называет благодетелем?

Игорь усмехнулся:

– Для Жоры, может, и так. В свое время он пытался создать свою компанию. Набрал кредитов, снял сериал. Только потом выяснилось, что никому этот сериал не нужен. Ведущие каналы отказались его закупать, а доходы от трансляции по региональным не окупили и десятой части расходов. Долг каждый день увеличивался, и тогда он обратился ко мне. Я постарался ему помочь, договорился с его кредиторами, купил фильм, некоторые эпизоды пришлось переснять, финал сделали другой... Сериал потом даже имел

некоторый успех...

Остановились у крыльца, и Настя предложила:

– Может быть, чашечку кофе?

Но благодетель продюсера покачал головой:

– Я уже чаю попил у себя дома.

– Освоились в новом доме? И давно вы его приобрели?

– Вообще-то этот дом – моя собственность уже много лет.

Так что тех, кто жил прежде в вашем коттедже и в том, который сдает сейчас ваша подруга, я знал достаточно хорошо...

– Здесь жили мы и наши родители, – объяснила Анастасия, – а вас я не помню...

– Немудрено, – согласился Игорь, – это было очень давно – в прошлом веке еще.

– Так вы знали наших родителей? – удивилась Настя, потому что никогда не слышала об этом соседе.

Мужчина кивнул и сделал шаг назад.

– Сегодня у меня намечается нечто вроде вечеринки. Съёмочная группа приглашена, приходите и вы с подругой.

Настя пообещала и потом наблюдала, как он идет к калитке, уверенным неторопливым шагом, широкоплечий и тонкий в талии. Перед тем как выйти на дорогу, Игорь обернулся и помахал ей рукой.

И тут же на крыльцо выскочила Воронина.

– Что это за красавчик был? Я из окна увидела. Мой Макс, конечно, вне конкуренции, но этот тоже весьма и весьма. Могу поспорить, что его рубашка и брюки на заказ сшиты

и у хорошего мастера – это я тебе как несостоявшийся модельер говорю.

Воронина училась в американском колледже по специальности «моделирование одежды».

– Так что за мужик? – наседала она.

– Сосед, – ответила Настя и, опережая следующие вопросы, объяснила, – тот, что в доме Иволги живет.

– Который с Руденской? – задохнулась Светлана. – Что же ты меня сразу не позвала – я бы его получше разглядела. Вообще она девушка не промах – богатый молодой мужик и такой симпатяга. Сколько ему, как ты думаешь?

Настя пожала плечами, потому что если она что-то и подумала, то обсуждать это со Светкой не хотелось.

Глава 5

Когда подруги подошли к распахнутым воротам дома Иволги, веселье уже началось. На стене дома висели гирлянды накаченных гелием разноцветных шаров. Звучала, но не гремела музыка. Весь состав группы сидел за длинным столом. Что-то рассказывал Максим Божко, громко смеялись женщины. В стороне о чем-то беседовали хозяин дома и Георгий Баландин. Увидев девушек, продюсер сразу бросился навстречу.

– Как здорово, что вы пришли! – произнес он негромко. – А то я уже рассказал о вас Игорю Егоровичу.

– Мы с ним знакомы, – перебила его Настя.

Они подошли к хозяину и вручили ему два букета роз, срезанных на клумбах возле дома Насти. Тут же подскочил охранник в костюме, взял оба букета и пошел ставить в вазы. А хозяин, взяв подруг под руки, повел их к столу и усадил неподалеку от себя, где, вероятно, специально для них были оставлены два свободных места. Почти напротив Светы оказался Божко, рядом с которым сидела молодая женщина. Когда другие покатывались со смеху, она улыбалась уголками губ...

– ...Все кричат: «А где еще одно кольцо?» – продолжал рассказывать Максим, – а бедный парень, который свидетелем был, руку за спиной прячет. Руку оттуда вытащили, ока-

залось, – кольцо на его пальце. Бедолага объясняет, что ему обручальное кольцо дали подержать, а он решил примерить и поглядеть, как оно на руке смотрится, а теперь кольцо не слезает. Естественно, все бросились помогать снимать. Пыхтят, но не получается. А свадьбу торопят: быстрее, дескать, у нас на очереди еще восемь пар и всем невтерпеж. Побежали за мылом. Принесли. И тот же результат. Не хочет кольцо слезать. Парня уже родственники жениха в спину тычут. Не помогает. Со всех сторон советы, давайте кольцо распилим. Нет, давайте ему палец отрубим, раз он, такой гад, сюда приперся. Невеста оказалась самой догадливой: взяла она этот свидетельский палец, извините, в рот... раз-раз и кольцо снялось. Невеста вынула символ супружеской верности изо рта, вытерла о подол свадебного платья и подает будущей свекрови. А мать жениха с такой ненавистью на нее смотрит и сына в бок толкает, дескать, видишь, на ком женишься...

– Ладно, – прервал рассказчика Баландин, – свадьба в другой раз, а сегодня мы собрались, чтобы поздравить всеми нами уважаемого и любимого Игоря Егоровича Селезнева с сорокатрехлетием. У всех налитое?

И только сейчас Настя заметила, что многие уже навеселе. И Воронина обратила на это внимание. Она наклонилась и шепнула:

- Поздно пришли. Тут не вечеринка, а обычная пьянка.
- Просто кто-то слишком долго собирается, – напомнила

подруге Анастасия.

Но та уже обводила взглядом стоящие на столе тарелки, вазочки, блюда и блюдечки.

– В моем ресторане такого не бывает, – шепнула она, беря большой ломоть черного хлеба.

На хлеб она водрузила увесистый кусок отварной осетрины, а поверх густым слоем намазала черную икру.

Повернувшись к сидящему рядом мужчине:

– Поухаживайте за дамой.

И показала глазами на ведро со льдом, из которого торчали горлышки бутылок водки и шампанского.

– Что пьет милая дама? – поинтересовался тот.

– Шампань, плиз, – улыбнулась Воронина.

Настя тоже попросила немножко шампанского, но сосед Светы, очевидно, не расслышав, наполнил ее бокал по самую кромку.

– Ладно, – произнес Божко, поднимаясь, – теперь я скажу. В жизни так мало праздников: Новый год, День Победы, разумеется, дни рождения друзей, свадьбы друзей и твоя собственная, если повезет... Но сегодня мы чествуем человека, который сам по себе праздник. Я участвую уже в третьем проекте, которые без нашего юбиляра были бы невозможны. Благодаря Игорю Егоровичу Селезневу я стал тем, кем являюсь...

Светлана внимательно слушала, стараясь смотреть в сторону и делая вид, что устрицы во льду ее интересуют куда

больше. Зато Олеся Руденская подняла голову и смотрела на Максима, улыбаясь так, словно каждое слово находило отклик в ее душе.

«Наверняка Олеся влюблена в Селезнева, – подумала Настя, – причем искренне и преданно. А как может быть иначе, когда он – такой спокойный и обаятельный? Ну и богатый, разумеется». Почему-то вдруг вспомнились романы Джессики Стоун, где все избранники главных героинь были точно такими же – нереальными до тошноты.

Все выпили, и даже сама Настя, которая собиралась лишь пригубить, осушила свой бокал почти до дна.

Воронина обхватила ее шею рукой и шепнула в ухо:

– Чего эта Руденская так к Максу прилипла, ведь все и без того знают, чья она любовница?

А Божко уже подошел к хозяину.

– Игорь Егорович, я видел ваш «Каенн». Хочу спросить, как вам машина? А то я собираюсь такую же купить после сдачи картины.

– Пока пожаловаться не могу, – ответил Селезнев, – только не спеши покупать. Если отработаешь хорошо, я тебе эту машину подарю.

– Вы же меня знаете, – обрадовался актер, – я халтурить не умею.

Он посмотрел на Воронину, потом резко обернулся к Руденской.

«Проверяет, видела ли Олеся, на кого и как он посмот-

рел», — догадалась Настя и вдруг поняла: что-то тут не то, еще неизвестно, с кем спит эта актриса.

И самой стало неприятно, что она об этом думает. Теперь Настя старалась не глядеть на сидящую напротив парочку. Но мысли крутились только вокруг этих двоих. Краем глаза она подмечала, что сидят они ближе, чем положено приличиями для посторонних друг другу мужчине и женщине, что она часто наклоняется к нему и шепчет что-то, предназначенное только для него, прикасается к нему рукой, прежде чем попросить о чем-то, улыбается ему. Впрочем, Олеся улыбалась всем: было такое ощущение, что улыбка не сходит с ее лица. Она даже Насте улыбнулась приветливо и кротко, когда перехватила ее взгляд. Руденская была несомненно красива — несравненно лучше Светы Ворониной, обаятельнее ее. Олеся была тонка и очень грациозна в каждом движении, что отсутствовало у Светланы. А потому было непонятно, зачем Максим приходил к Ворониной и оставался на ночь, если у него с красивой актрисой роман, пусть и скрываемый от всех.

Продолжали звучать тосты. Потом кто-то предложил размять ноги и потанцевать. Вышли несколько пар, и сосед Ворониной, тот, что подливал ей шампанское, пригласил Настю. Божко и Руденская оставались за столом, и тогда Светлана спросила:

— Максим, можно вас пригласить?

Божко молча поднялся, вдвоем они вышли на выложен-

ную розовой брусчаткой площадку и присоединились к танцующим. Мужчина кружил Настю слишком активно, словно хотел продемонстрировать свое умение и темперамент. Они едва уворачивались от других пар; Настя смотрела через мелькающие спины в сторону стола – туда, где Селезнев о чем-то беседовал с Баландиным. Музыка закончилось. Партнер не хотел отпускать Анастасию, ей пришлось сказать, что у нее от такого танца закружилась голова. И это было почти правдой.

Божко подвел Свету к столу и остановился возле Селезнева.

– Игорь Егорович, может, позвольте мне минут пять посидеть за рулем вашего «Каенна»? Далеко не уеду, покатаюсь по дорожке вдоль забора... Я почти не пил сегодня – разве что чуть-чуть. Так ведь здесь гаишников нет...

Хозяин подозвал одного из охранников в темном костюме, и тот отдал Максиму ключи.

Божко направился к автомобилю, но остановился и махнул рукой Руденской:

– Олеся, не хочешь в «Порше» прокатиться?

Руденская поднялась и направилась к нему, двигаясь очень красиво – не шла, а словно парила над землей. Проходя мимо Селезнева, она, не сбавляя шага, погладила его по плечу – не погладила даже, а так, слегка коснулась. А тот даже не заметил этого, хотя, возможно, все же заметил, но оборачиваться не стал.

Посидели еще немного за столом. Прозвучало несколько тостов, потом опять начались танцы. Сосед Ворониной, оказавшийся главным оператором, уже не отпускал от себя Настю, а когда она уходила к столу, опускался на стул рядом, пытался налить ей вина или положить на плечо руку. Наконец, она не выдержала и, в очередной раз сбросив руку оператора со своего плеча, сказала, что устала и пойдет домой.

– Я провожу, – обрадовался своим мыслям темпераментный мужчина.

– Сиди! – вдруг произнес Селезнев. – Я сам это сделаю. Спорить с ним оператор, разумеется, не решился.

Глава 6

Шли не спеша через березовую рощу, за которую опускалось солнце. Настя молчала, но ей было хорошо и без всяких слов.

– Двадцать три года назад я выкупил у банка заложенный участок земли в два с половиной гектара. Даже не смотрел, что приобрел: думал, перепродам с прибылью. А когда приехал сюда, сразу понял, что хочу здесь жить. Сосны еще были невысокими, березовую рощу посадили там, где когда-то было совхозное поле. Построил сразу три дома, один себе и два для приятелей, чтобы сделать им сюрприз – у обоих уже родились девочки, и летом мои друзья вывозили свои семьи по тогдашней моде за границу: на Карибы, на Маврикий или еще куда-то.

– Маврикий я помню плохо. Только океан и землю, – улыбнулась Настя, – она там разного цвета: где-то красная, как медь, где-то – голубая, где-то как песок, а где-то черная... А вы хорошо знали наших отцов?

Селезнев кивнул:

– Я учился с ними в одном классе. Мы сразу сдружились и сидели рядом в заднем ряду, болтали там, не умолкая, шалили, вероятно. Наш классный руководитель Михаил Исаевич одергивал нас постоянно: «Эй, птичий базар! Нельзя ли угомониться?»

– Почему птичий базар? – удивилась Настя. – Так громко шумели?

– Так наши фамилии, если вы помните: Стрижак, Воронин и Селезнев.

– Остроумный был человек, – улыбнулась Настя.

– Еще какой! Особенно если учесть, что фамилия нашего учителя была Фогель, что в переводе с немецкого означает «птица». Он к тому же был очень добрым. Когда мы в десятом классе предложили в школьной пристройке организовать видеосалон, он, будучи завучем, похлопотал перед директором.

– Вы уже тогда начали свой бизнес? – удивилась Анастасия.

– Вместе с Колей, твоим отцом, и с Лешкой Ворониным. Дело пошло. Очень скоро мой ежедневный доход стал равняться зарплате матери за месяц и пенсии за отца.

– Так вы сирота?

Игорь Егорович кивнул:

– Я был поздним ребенком. Подарком за большую любовь своих родителей. Ему было пятьдесят четыре, когда я появился на свет, а маме почти сорок. Отец закончил перед войной артиллерийское училище, собирался жениться, а тут война. Он писал своей девушке письма, писал даже тогда, когда перестал получать ответ. Потом, когда сняли блокаду, ему удалось вырваться в Ленинград. Приехал на одиннадцатую линию, увидел разбомбленный в сорок втором дом. Со-

седи сказали, что невеста его погибла и родители ее тоже. Но осталась маленькая сестра, которая находилась в тот момент в одном из немногих работавших в блокаду детских садов. Пошел туда: девочку, как оказалось, передали в детский дом, а детский дом вывезли в Вологду. Весь свой короткий отпуск отец потратил на то, чтобы узнать адрес. Потом уже с фронта написал туда и вскоре получил письмо, написанное детским почерком. Естественно, ответил. Завязалась переписка. Отец переводил на детский дом свой денежный аттестат и деньги, которые полагались за ордена и за подбитые танки. На Зееловских высотах под Берлином отец был тяжело ранен, попал в госпиталь, но осенью того же сорок пятого пришел в детский дом на костылях, оформил опекунство... Ему пошли навстречу, потому что благодаря его денежным переводам детский дом не голодал. Вернулись они в Ленинград и стали жить вместе. Девочка сразу сказала, что, когда вырастет, выйдет за него замуж. Так и случилось. Ей было шестнадцать, ему тридцать один. До конца жизни он сильно хромал и ходил с тростью...

– Какая замечательная история!

Селезнев промолчал. Они уже стояли возле ворот ее дома.

– Вы хотите вернуться? – спросила Настя.

Игорь Егорович покачал головой:

– Там и без меня весело.

И тогда она распахнула перед ним калитку. Когда шли к дому, Настя сказала:

– Только у нас могут быть подобные истории. У меня есть в Штатах подруга, которая пишет книги, но такой сюжет ей не смог бы прийти в голову. А если бы она и написала такое, ей бы никто не поверил. Герой войны, девочка, которая влюблена в него с детства, потом у них появляется умный и заботливый сын...

– Я оказался плохим сыном, – вздохнул Селезнев. – Конечно, я очень их любил. Но потом, когда отца уже не было на свете, а мы с Колькой и Лешкой решили открыть тот злополучный видеосалон, денег у нас не было. Я отработал все лето на прокладке трамвайных рельсов. Получил прилично, но на пару видеоманитонов и телевизоры, конечно, не хватало. Друзья внесли свои доли, конечно, но у них с деньгами было совсем туго... И тогда я продал отцовские ордена... То есть не продал, а заложил. В соседнем доме жил барыга, который терся у метро с табличкой на груди «Куплю золото, серебро, ордена». Звали этого человека Зозуля. Точнее, это фамилия у него была такая, но по имени и отчеству его никто не называл. Я взял отцовские награды, принес ему, а там только орденов шесть штук, включая орден Ленина. В ордене Ленина, между прочим, пятьдесят граммов золота. Зозуля пообещал не продавать ордена, а я через месяц обещал вернуть долг и тридцать процентов сверху. Но когда принес деньги, Зозуля заявил, что ордена уже продал...

– И награды пропали? – ужаснулась Настя.

– Не пропали. Я дал ему пару дней на то, чтобы он вы-

купил их и вернул. Зозуля ответил грубо, и тогда я его ударил. А надо сказать, что я долгое время занимался боксом, а когда в моду вошло карате, и им тоже... Через два дня, когда я пришел, Зозуля был не один, а с двумя бандитами. Но и я тоже был не в одиночестве. Ордена, как я и предполагал, находились у него. Там были и другие награды – не только отцовские. Я забрал все. Чужие отнес в военкомат, чтобы они по номерам нашли владельцев. Зозуля у метро потом не стоял. Бандиты, что его крышевали, за подставу своего барыгу куда-то на отработку отправили. Может, наркоту возить или еще чего. Позднее я узнал, что Зозуля на украинском означает «кукушка». Вот такие птичьи разборки получились.

Они разговаривали на крыльце, и беседа затягивалась. Настя открыла дверь дома и предложила зайти.

Селезнев посмотрел на девушку:

– Не утомил?

– Что вы! Я даже не предполагала, что такая жизнь была.

Они прошли в столовую и сели в кресла.

– Суровая была жизнь, – согласился Игорь Егорович, – никто и не спорит. Я тогда, понимая, что удача с видеосалонном временная, стал большую часть в развитие вкладывать. Поставил ларек у метро, где продавались сникерсы всякие, колготки женские, все, что тогда в дефиците было. Ну и водку, ликеры мы продавали. Фальсифицированный «амаретто» тогда на ура шел – по три коробки в день его скиды-

вали. В ларьке посадил женщину немолодую – лет сорока. На смену и на подхвате у нее был только что освободившийся муж, отсидевший семь лет за разбойное нападение. Потом у нас второй ларек появился, третий. Это уже когда я на первый курс поступил. Вскоре бывший разбойник сообщил мне, что люди приносят в качестве платы акции заводов и особенно ваучеры, которыми Чубайс с Ельциным весь народ одарили. За бутылку водки нам часто вместо денег предлагали ваучер. Я дал команду брать. Тогда же в родном институте при главном входе организовал пункт обмена валюты. Не рассчитывал, что там у меня поппрет. Все обменивали: преподаватели, студенты, служащие, работники столовой... В основном, конечно, сдавали доллары, марки, фунты... А через месяц курс валюты вдвое взлетал... Удивил, конечно, ректор, который однажды принес на обмен тридцать тысяч баксов. Утром подошел и спросил, сможем ли мы обменять такую сумму. Получил ответ, что к обеду да, а пока мы еще вроде того, что не открылись и из банка еще рублей не подвезли. Мы ведь повесили вывеску, что обмен осуществляет «Интеркомбанк», а такого никогда не существовало в природе.

Рассказчик замолчал, а потом усмехнулся:

– Сейчас даже не верится, что сам все это проворачивал в шестнадцать-семнадцать лет. Конечно, наезжали на меня всякие, но у меня к тому времени связи и в том мире были... Не хочу сказать, что очень хотелось разбогатеть, но уж

взялся за гуж... Понятно было, что ларьки и обменник – дело временное. В стране тогда стали как грибы расти паевые инвестиционные фонды. А у нас к этому времени уже изрядно скопилось акций и ваучеров. Отправился я в один такой фонд, предложил им, поговорил, но не продал. Короче, решил такой же фонд организовать. Но организация – дело долгое, а время – деньги, и потому я пришел к директору и предложил ему сделать меня компаньоном, взамен я вкладываю деньги в рекламу, на что у него не было средств, и отшиваю бандитов, на что у него не хватало смелости и возможностей. И он согласился. А потом началась ваучерная приватизация. Мой новый компаньон спешил, требовал и умолял приобретать за ваучеры акции каких-то вдруг появившихся акционерных обществ, обещающих огромные прибыли. В результате мы разделили доли: я выделил ему тридцать процентов в уставном капитале, а поскольку он решил выйти, отдал ему треть наших средств. Сам же я ждал своего часа. И дождался: за пару недель до окончания ваучерной приватизации объявили об акционировании нефтяных и газовых предприятий, предприятий связи – короче говоря, того, что большие начальники оставили для себя. У меня к тому времени была своя брокерская контора на Московской бирже, а на руках – ваучеров и денег, вырученных за акции разоряющихся заводов, почти на миллион американских рублей. И все это сработало: восемь тысяч процентов прибыли только за первый год. Естественно, что Нико-

лай – ваш отец, и Лешка Воронин оставались все это время моими партнерами. В делах они особо не помогали, но зато не мешали и не требовали ежемесячно делить доходы. Получали зарплату, точно такую же, какую я сам себе начислял. Иногда премии им выписывал – у них ведь уже девушки появились, надо было достойно выглядеть. А у меня и на это не было времени.

– Может, не встретили достойную? – предположила Настя.

Селезнев замолчал, а потом покачал головой.

– Мне нравилась одноклассница, но, к моему разочарованию, она нравилась и Лешке Воронину. Он первый стал с ней встречаться, еще в школе. В кино с ней ходил, а потом приводил в наш видеосалон. Ничего между ними не было. Они не целовались даже, но дружок мой строил планы. Не отбивать же? Как я мог испортить ему жизнь? Хотя переживал, не скрою. А у Николая сразу появилась Валентина – ваша мама, насколько я понимаю, и у них завертелось все очень быстро. Ждали только, когда ей восемнадцать исполнится, потому что родители его избранницы возражали.

– Дедушка с бабушкой очень любили моего отца, – не поверила Настя. – Потом уже, когда его не стало, они сильно переживали.

– Так он хороший парень был. Застенчивый немного, я удивился, когда узнал, что он первым из нас... На свадьбу он меня пригласил, Лешку с его девушкой. Впрочем, там по-

что весь наш класс гулял во главе с Михаилом Исаевичем. И вот на этой свадьбе Лешкина девушка спросила меня, когда я ей сделаю предложение. Оторопел – не то слово, чуть ноги не отнялись. Попытался даже возразить, отговориться, что у них... то есть у нее дружба с Ворониным... Но она сказала, что с Ворониным у нее ничего нет и быть не может. А вот меня она любит давно и знает, что и я тоже ее люблю. Одним словом, с этой свадьбы мы уехали вдвоем. У меня к тому времени была своя маленькая квартирка, в которую она вошла, чтобы остаться навсегда. Воронин потом приезжал туда разбираться. Кричал, угрожал и ей, и мне... Но в драку не полез, потому что я сильнее был. Через день-другой, конечно, мы помирились. А он нашел себе другую и сразу сделал ей предложение.

– Звали ее Нина Петровна. Это мама Светы, – догадалась Настя. – Сейчас у нее в Штатах американский муж, и она на него вроде бы не жалуется.

За окном уже были густые сумерки. Настя зажгла свет и предложила гостю чаю.

– Я, пожалуй, пойду, – ответил Селезнев, – время позднее. А если вас заинтересовал мой рассказ, то продолжу в следующий раз. Будем считать это поводом для встречи.

– Я готова, – согласилась Анастасия.

Она проводила его до дверей, хотела уже запереть дом, но выскочила на крыльцо, догнала гостя, проводила до калитки.

– А приходите завтра, – сказала она, прощаясь.

Вернувшись домой, включила чайник, предполагая, что скоро должна вернуться Воронина. Но Светлана не спешила.

Вскипела вода в чайнике. Но Настя не подошла к нему, сидела в кресле, в котором недавно располагался совсем незнакомый ей человек, который неожиданно оказался таким близким ее семье и семье Ворониных. Странно только, что она не слышала о нем раньше. Взяла телефон и набрала номер мамы. Никто не ответил. За окном стало совсем темно, и на небе высыпали звезды. Света по-прежнему где-то пропадала, видимо, все-таки подцепила Максима, болтает с ним, пытаясь заманить к себе, а тот упирается. Упирается потому, что есть Олеся Руденская. Почему-то Настя в этом не сомневалась.

Вскоре перезвонила мама, начала рассказывать новости...

– Мама, – перебила ее Анастасия, – я тут познакомилась с одним интересным человеком. Помнишь такого Игоря Селезнева?

Над океаном повисло молчание, а потом раздался не крик, а вопль Валентины Николаевны:

– Беги от него, дочка! Беги подальше и побыстрее! Я тебя умоляю, доченька! Это страшный человек. Он убийца! Он зло...

И мама заплакала. А потом пошли гудки. Перезванивать Анастасия не решилась. Продолжала стоять с трубкой в руке,

удивляясь, что такого мог сделать этот обаятельный с виду и очень умный, если судить по его речи, человек. Очевидно, мама что-то, как всегда, напутала.

Но Валентина Николаевна перезвонила снова. Она была уже спокойна. Не дав дочке задать ни одного вопроса, она твердо произнесла:

– Этот человек приносит горе всем, с кем знаком. Он ужас нашей семьи. Он убил свою невесту, а потом приказал убить нашего папу и папу Светы – твоей лучшей подруги... Беги от него, я сказала! Если ты этого не сделаешь, я прилечу и найду способ защитить тебя...

Валентина Николаевна снова сбросила вызов. Настя даже не попыталась еще раз набрать номер, не сомневаясь, что мама вообще отключила телефон: она-то хорошо ее знала.

Открылась входная дверь. Анастасия бросилась навстречу, предполагая, что это вернулась не очень трезвая Воронина. Но на пороге, даже не пытаясь пройти дальше, стоял с застывшим лицом Селезнев.

– Что-то случилось? – спросила она.

Игорь Егорович кивнул и произнес очень тихо, словно и сам не мог поверить в то, что должен сказать:

– У меня в доме убили Олесю Руденскую.

Настя почувствовала, как у нее похолодела спина.

И все же она произнесла:

– Проходите.

Селезнев шагнул в столовую и так и остался стоять. Настя

вошла следом, приблизилась к чайнику и коснулась его рукой – чайник был горячим. Тогда она бросила в стакан пакетик и залила кипятком. Селезнев взял стакан в руки, потом шагнул к окну, обратно, посмотрел по сторонам и опустился в кресло, в котором до этого уже сидел.

– Я вернулся домой с телохранителем, который, пока мы здесь беседовали, ожидал меня возле вашей калитки. Сева поднялся наверх, заглянул в спальню и увидел на кровати мертвую Олесю. Ее убили выстрелом в голову. Сева человек опытный – много лет опером отработал. Пробежался по комнатам, потом мы с ним вместе выскочили во двор, где стоял «Каенн». Сева заглянул в бардачок и спросил: «Ваш пистолет где?» Дело в том, что мое оружие лежало в бардачке, когда машину забрал Максим...

– Ведь Руденская уехала с ним, – напомнила Настя, – Божко сказал, на несколько минут, но их не было больше часа, это точно. Когда мы с вами уходили, они еще не вернулись...

– Короче, Сева опытный в таких делах. Он сразу сказал, чтобы я пока исчез. Он вызовет полицию и скажет все, как надо. Будто бы он сам обнаружил труп, когда его хозяин находился в гостях.

– Я тоже скажу полиции, что именно так и было, – поспешила заверить Анастасия...

Она произнесла это, а в сознании пронеслись слова мамы об этом человеке... Неужели?

– В любом случае я буду первым подозреваемым, – по-

качал головой Селезнев. – Во-первых, ее наверняка убили из моего пистолета, во-вторых, в моей постели... К тому же на Олесе не было никакой одежды, а потому выводы можно сделать какие угодно.

– А разве Божко не мог это сделать? Может, не специально. Может, он обнаружил оружие, взял его, а потом случайно...

– Случайно? – воскликнул Игорь Егорович. – На ней не было одежды, и выстрелили ей в затылок...

Он посмотрел на свои часы.

– Ладно, полиция будет в моем доме минут через двадцать. Я специально оставил дома телефон, пока меня будут искать, надо что-то придумать. Через полчаса – минут сорок они придут сюда.

– А зачем придумывать? Надо сказать правду. Все расписать по минутам.

– Вы правы. Безумно жаль Олесю. Тихая, казалось бы, но непредсказуемая. Она словно предвидела... Олеся мне еще в первый вечер знакомства сказала, что умрет не своей смертью. А я посмеялся тогда...

Селезнев замолчал, ненадолго задумался. Потом вздохнул, провел ладонью по лицу, ото лба до подбородка, и посмотрел за окно.

– Я тогда в Москве жил, – опять заговорил он. – Вылетал только на деловые встречи. И вот однажды, девять лет назад, почти день в день, вернулся. В Шереметьево меня

как раз Сева встречается – он только начинал тогда на меня работать. Поздний вечер, почти ночь, мы несемся сквозь эту тьму, и вдруг я вспомнил, что с утра ничего не ел. Вымотался прилично и заскакивать в какой-нибудь ресторан или клуб не было сил. Хотелось тишины и покоя, чтобы поесть и сразу в постель. Спрашиваю Севу, есть ли что в холодильнике. Он отвечает, пусто. Тогда я прошу заехать куда-нибудь. Думал, возьмем пельмешек, еще чего-нибудь, чтобы на зуб положить... И тогда он выруливает к какому-то гипермаркету и предупреждает, что на кассе сидит очень красивая девушка, которая поразила его самого так, что он вообще аппетит потерял. Так он пошутил. Но когда мы подошли к кассе – не к той девушке, а к другой, он мне глазами показал: вот та, мол, за соседней кассой. Но я еще раньше ее увидел... Ей тогда двадцать два года было, но выглядела как семнадцатилетняя. Наша кассирша пробивает на аппарате, что мы выложили перед ней, и комментирует, стараясь обратить на себя внимание, ведь мы оба смотрим в другую сторону: «Ой, улитки в чесночном соусе! Как вы эту гадость едите? И креветки тигровые – тоже гадость. Зачем такие деньги за них платить? Вот пельмени – это, конечно, еда, только я сама их в тыщу раз лучше делаю...» И все в таком духе. А другая – Олеся, стало быть, кассу сдает, деньги пересчитывает, администратор по залу ее контролирует, девушка улыбается, заметив, что мы на нее уставились... Заплатили, направились к выходу – и как раз Олеся закончила свою ра-

боту. Поднялась, и тут я не выдержал, подошел к ней и говорю: «Выходите поскорее. Я вас у входа ждать буду». – «Куда поедем?» – интересуется девушка. «Куда скажете».

Стоим мы, ждем, гадаем: выйдет не выйдет. Сева был уверен, что нет, а я почти не сомневался в обратном. Но она выскочила – легкая, тоненькая... Села в автомобиль и сказала, что устала сегодня. Тогда я предложил не в ресторан, а ко мне домой. Она поразмышляла секунд пять и согласилась.

Дома приготовили вместе пельмени, что-то еще. Поужинали с Севой, а потом он ушел, чтобы не смущать девушку и не мешать мне... Но я постелил ей в кабинете на диване, а сам зачем-то выбрался на балкон, он у меня как терраса был: двадцать первый этаж – вид на ночную Москву. Сажусь в кресле, закутавшись в плед, размышляю... Слышу: шлеп-шлеп. На мою терраску входит босиком Олеся, закутавшись в одеяло. Подвигает кресло к моему, садится, прижимается ко мне и начинает рассказывать...

Она приехала из Казахстана, где училась в студии при русском театре, не закончила, потому что студию прикрыли... Один из режиссеров рванул в Москву, надеясь устроиться там, и она следом. У них был тогда роман – недолгий, но девушка думала, что на всю жизнь. И здесь узнала, что не нужна ему, потому что он женат и разводиться не собирается, квартиру снимает, денег едва хватает... Словом, у него все плохо, а у нее – вообще край... В один из последующих

дней шла по улице, рядом остановилась машина – не дорогая, а самая обычная, и какой-то парень предложил ее подвезти. Так она познакомилась со своим мужем. Тот не работал, был примочен какими-то бандитскими делами, но деньги у него не водились тоже. Олеся устроилась в этот гипермаркет, но каждый день после окончания работы не знала, куда ей отправляться, потому что домой не хотелось. Там почти всегда собиралась пьяная компания и случалось всякое... Тогда-то она и решила, что своей смертью не умрет... Полтора месяца отработала за кассой, и тут появляюсь я... В ту ночь мы так и заснули на балконе. Я, накрытый пледом, и она, в одеяле, положив голову мне на плечо. Утром я сказал, что Сева ее отвезет на работу, но затем только, чтобы она уволилась без отработки. Вот так начался наш роман. Что я чувствовал к ней, сейчас сказать не могу. Вероятно, любви не было – были страсть и желание кого-то опекать, хотелось, конечно, и чтобы меня любили. Но вот любила ли она, сказать трудно. А я, как всякий объятый страстью безумец, ревновал. Чаще всего небеспочвенно. Дело в том, что она любила выпить – не с целью напиться, а просто чтобы раскрепоститься... А раскрепощалась она до вульгарности. Мы раза три или четыре расставались. После первого расставания я купил для нее квартиру, но она через две недели вернулась ко мне, сказав, что без меня жить не может. Потом я решил поучаствовать в постановке фильмов, но не потому, что светила хорошая прибыль – как раз наоборот, перспек-

тив на прибыль не было никаких. Просто я решил вытащить ее из круговерти бессмысленной жизни, решив, что она сможет сниматься и тогда все для нее изменится. Все изменилось – кроме нее самой. Мы не сходились уже, то есть не жили вместе, но она приезжала в любое время, когда ей хотелось... Иногда была развязной от алкоголя, тогда устраивала скандалы, потом бросалась мне в ноги и просила прощения... Иногда оставалась у меня на три или четыре дня. Потом пропадала снова. С бывшим мужем я ее развел через неделю после того, как мы познакомились. Парень пытался угрожать, а после предложил сделку: он ей развод, а я ему «Ленд Круизер» и тридцать тысяч баксов... Я сделал ему встречное предложение, от которого он не смог отказаться и уехал в другой город...

Селезнев большим глотком допил свой чай.

– Ничего, что без сахара? – спросила Настя.

– Я так и пью, – ответил Игорь Егорович и продолжил: – Все думают, что у нас до сих пор отношения. Возможно, она сама распространяет... распространяла эти слухи. Но я знаю наверняка, что сейчас у нее есть один близкий человек... Максим Божко. Макс – парень неплохой, но ветреный...

– Он бабник, – уточнила Анастасия, – моя подруга Воронина может это подтвердить.

Она поднялась и сказала:

– Снимайте быстренько обувь, пиджак, рубашку!

– Зачем? – не понял Селезнев.

– Затем, что сейчас сюда придут полицейские, и они должны застать вас именно в таком виде, а я дам показания, что мы пришли около десяти вечера и никуда ни на минуту не выходили. А чем мы здесь занимались, никого не касается...

– Но ваша репутация... – попытался возразить Игорь Егорович.

– Мне не важно, что обо мне подумают люди, которых я не знаю. Снимайте...

Пока гость снимал обувь, пиджак и рубашку, Настя открыла холодильник, достала из него не допитую Божко с Баландиным и Светой бутылку виски. Там еще немного оставалось. Поставила на стол два четырехгранных стакана, плеснула в них виски. Один тут же залпом осушила и поморщилась:

– Какая гадость! Как они это пьют?!

Потом схватила ботинки Селезнева, быстро отнесла в прихожую, так же быстро вернулась. Схватила пиджак и рубашку и побежала вверх, в свою спальню. Пиджак повесила на спинку стула, рубашку бросила на пол, туда же сдернутое с кровати покрывало, одеяло, одну из двух подушек. Потом из шкафа вынула кое-что из своего белья, разбросала для дополнения натюрморта. Сбросила с себя платье и торопливо надела короткий шелковый халатик.

Так же стремительно спустилась вниз.

Селезнев сидел в том же кресле, скрестив руки на груди, очевидно, пытаясь прикрыть голый торс.

– Не надо стесняться, – посоветовала она, – вы практически в своем доме.

И тут она увидела на его предплечье татуировку – голову тигра или барса.

– Животных любите? – улыбнулась она.

– Да это так просто... – Он прикрыл ладонью тату и объяснил: – Дело в том, что я почти год провел на зоне и наколку сделал там. Она означает, что я типа неуправляемый, готов постоять за свою честь, никому не позволяю себя унижать и оскорблять...

Он замолчал и прислушался. Тут же открылась входная дверь, раздались звуки шагов; в столовую заглянули и тут же вошли несколько человек. Рядом с ними был телохранитель Сева.

– Гражданин Селезнев Игорь Егорович? – обратился один из вошедших к обнаженному по пояс мужчине.

– Это я, – ответил бизнесмен, – а в чем, собственно, дело? Что такое могло случиться, что вы без приглашения, ночью в чужой дом...

Один из мужчин подошел к столу, посмотрел на бутылку виски, потом поднял один из стаканов и понюхал. А другой, к которому и обращался Селезнев, ответил:

– Мы из областной прокуратуры, хотим задать вам несколько вопросов, только в другом месте.

– Хозяин, – встрял в разговор Сева, – у нас дома Олеся убили.

– Что? – медленно поднимаясь из кресла, выдавил из себя Игорь Егорович. – В каком смысле убили? Как это возможно? Ты где был?!

– Так я здесь, возле калитки, где вы меня и оставили, потом, простите, приспичило, не под забором же... Вот я и рванул домой. Проходил мимо вашей...

– Стоп, стоп! – закричал один из мужчин. – Никакой информации!

– Я готов, – сказал Селезнев, – только... – он посмотрел на свою обнаженную грудь, – я должен одеться. А моя одежда наверху.

– Я сейчас принесу, – крикнула Настя, бросаясь к лестнице.

– Не надо ничего приносить, – остановили ее. – Сейчас мы все вместе поднимемся и возьмем все, что нам, то есть гражданину Селезневу необходимо.

Все, включая Севу, направились к лестнице, поднялись на второй этаж. Хозяйка подвела мужчин к двери спальни:

– Вот здесь, только можно я сама, а то там...

– Ничего, – отстраняя Настю, ответил один из представителей прокуратуры, – мы и не такое видели...

Он шагнул внутрь и остановился, пораженный. Постельное белье, одеяло, подушка, словно сметенные вихрем, валялись на полу, там же – белая мужская рубашка, женские

трусики, а за висящий на спинке стула дорогой пиджак тоненькой бретелькой зацепился бюстгальтер.

– М-да, – сказал представитель закона, – здесь, я вижу, не тратят время попусту... Проходите, Селезнев, берите... Что тут из ваших вещей?

Игорь Егорович вошел в спальню, а в спину ему смотрел округлившимися от удивления глазами Сева.

Потом все спустились вниз. Селезнев начал обуваться, и в этот момент в прихожую влетела Воронина.

– Ты слышала?! – закричала она с порога. – Руденскую застрелили!

– Нам уже сообщили, – ответила Настя и показала на суровых мужчин, стоящих у нее за спиной.

Провожать Селезнева ей не разрешили, Настя возмутилась, но раз нельзя, значит, нельзя, и тогда она обвила шею мужчины руками и прижалась к нему. Прижалась и почувствовала, как гулко возле ее уха бьется его сердце.

Глава 7

Воронина совершила очередную самую страшную ошибку в своей жизни: переспала с Баландиным. Хуже всего, что их прямо в постели застукали полицейские. Причем на глазах половины съемочной группы.

– Представляешь, – делилась она своим унижением, – мы заснули. Если честно, мы просто вырубались. А тут эти ввалились и стали нас будить. Жора спросонья не понял и послал их всех. Тогда они сдернули с нас одеяло. А мы-то без всего... А из коридора его подчиненные глазят. Короче, кино называется «18+».

– И Максим это видел? – поинтересовалась Анастасия.

– Нет, – ответила она, – его потом привели. Когда сообщили, что Олесю убили, его аж затрясло всего.

– А что он говорит, когда не трясется?

– Я же не следователь, чтобы такие вопросы задавать. Как они уехали тогда на «Каенне», так их и не видел никто.

– Но ведь там люди оставались во дворе.

– Какие люди? Где ты там людей видела? Вы с Селезневым ушли и сразу все следом. Набрали закусок, выпивки. И я с ними тоже ушла, то есть с Баландиным.

– Давай тогда разберемся. Я ушла, Игорь Егорович пошел меня провожать. Мы поговорили. У меня он был чуть больше часа. За это время Божко и Олеся вернулись, вы-

шли из машины. Олеся поднялась в спальню, разделась, легла в постель, и кто-то ее убил. А Максим вышел из машины и пропал неизвестно куда. Потом домой возвращаются Игорь Егорович с Севой и обнаруживают мертвое тело... То есть возвращается один Сева, а Селезнев остается у меня, где его и застают следователи, вызванные телохранителем.

– Что-то я не совсем понимаю, кто и куда возвращается... То есть ты хочешь сказать, что ее Макс убил?

– Я ничего не хочу сказать, кроме того, что у убийцы было несколько минут на то, чтобы проникнуть в дом и совершить это преступление.

– Ужас какой! – поежилась Воронина и вдруг выпрямилась. – Ты двери хорошо закрыла?

Настя подошла к входной двери, но вместо того, чтобы запереть ее на задвижку, выскочила в темноту. До дома Иволги она добежала быстро. Селезнева, Божко и Севу как раз выводили к машине.

– На экспертизу везут, – объяснил Селезнев, – так что раньше десяти или одиннадцати утра вряд ли вернемся.

Непонятно, для чего он это говорил – только ли для того, чтобы показать следователям, что между ними какие-то отношения, или потому, что волновался, оставляя ее одну.

– Какая еще экспертиза? – спросила она. – Я с вами!

– Не положено, – возразил один из следователей. – Хотя если вы считаете себя причастной, то пожалуйста, мы не возражаем. Только лишней работы нам не надо.

– Проверят кожу рук и одежду на наличие микрочастиц порохового заряда, – объяснил Сева, – а это быстрая процедура.

Настя на прощание обняла Игоря Егоровича и опять, как совсем недавно, прижалась к нему. Но в этот раз он осторожно погладил ее по голове.

Она посмотрела, как их посадили в машины, потом машины тронулись, а она пошла следом, прикрыла ворота и направилась к своему дому. Ночной воздух был прохладен и влажен, легкий озноб пробежал по ее телу, и Настя ускорила шаг. Проходя сквозь березовую рощу, заметила какую-то тень, словно кто-то перебежал дорогу. Она оглядела едва различимые в темноте стволы деревьев и теперь уже не сомневалась, что за ними кто-то стоит. Стоит, не пригибаясь, не прячась, уверенный в том, что его не видят. И тогда она побежала. Побежала так быстро, как только могла. Ворвалась в дом и стала запирать дверь – на один замок, потом на второй, со щелчком закрыла задвижку. В прихожую выскочила перепуганная Воронина.

– За тобой гонятся?! – закричала она.

Настя зачем-то кивнула.

– Мамочка, – заныла подруга, прижимая руки к груди, – надо звонить 911! Господи, в России нет службы спасения! Что делать будем?

И тут же ухватилась за последнюю надежду:

– А топор хоть у тебя есть?

Они перебрались на кухню. На столе стояла бутылка, в которой остался виски. Света налила половину стакана, сделала первый глоток.

– Какая же я дура, сейчас позвоню Баландину! У Жоры есть травматический пистолет. Они даже стреляли из него с Максом по шарикам, когда нас еще не было на празднике.

И тут же набрала номер продюсера:

– Жорик, это Света, если помнишь такую. Мы тут с Настюхой одни в домике. Так что приходи к нам скорее, захвати бутылочку какую-нибудь, а то время нынче сам знаешь какое... Жду. Целую. Да!!! Пистолет свой не забудь, пожалуйста.

Баландин пришел не один, а с оператором, тем самым, который кружил Стрижак в танце. У каждого в кармане была бутылка. У Георгия – точно такая же бутылка виски, как он приносил прежде, а у оператора – початая дагестанского коньяка. А еще пакет с провизией – той, что прихватили вечером с праздничного стола, и большая бутылка колы. Быстро соорудили стол, за который усадили и Настю. Продюсер сообщил, что Макса и Селезнева забрали. А вообще народ в шоке. Олесю все любили, хотя она и была с некоторыми странностями, но за странности, как известно, не убивают, тогда бы надо было прикончить весь русский народ.

– А ты сам по национальности, извини, кто? – поинтересовалась Воронина.

– Я русский из Сибири, потомственный каторжанин, –

с гордостью ответил Баландин, – разве по фамилии не видно?

Он наполнил стоящие на столе стаканы, хотел налить и Насе, но она отказалась, сказав, что уже пила сегодня виски.

– Тогда, может, коньячку? – встрепенулся оператор.

– Она у нас вообще не употребляет, – объяснила Светлана.

Сплоченная троица подняла стаканы и соединила их над столом. После того как выпили, продюсер продолжил:

– Народ в виновность Макса не верит. О его связи с Руденской знали все, но молчали. Он хоть и бабник, но с Олесей у них было почти серьезно, и потому все боялись, что про это пронюхает Селезнев, а он – мужик крутой, только с виду такой паинька. Он ведь сидел, а такие люди измен не прощают. Это я вам как потомственный каторжанин заявляю. А у него, кроме Олеськи покойной, никого больше не было. Давайте выпьем за упокой души невинно убиенной.

– Тогда и мне чуть-чуть, – согласилась Анастасия.

Виски опять ожгло горло. Тут же ей подали стакан колы, который пришлось выпить весь, чтобы заглушить неприятное ощущение.

– У Селезнева с Руденской давно уже ничего нет, – сказала Стрижак, – а про отношения ее с Божко ему прекрасно известно, и он надеялся, что она успокоится наконец.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.